

Уля

И хочется сказать что-то важное. Возможно, самое важное в жизни. Но в голове вертится только эта дурацкая фраза про соблюдение правил поведения на эскалаторе.

И хочется спеть что-нибудь невероятно красивое. Возможно, самое красивое и самое невероятное в жизни. Но в голове вертится только эта дурацкая песенка про чижика-пыжика.

В каждом доме, где я бываю, на стенах висят рамки. Большие, маленькие, деревянные, пластиковые, лакированные, крашенные. В рамках висят фотографии. Цветные, черно-белые, только что напечатанные, потрескавшиеся от времени, глянцевые, матовые. С фотографий на меня смотрят люди. С теплыми улыбками, со строгими лицами, с растрепанными волосами, с аккуратно уложенными прическами, в легких одеждах и солнечных очках, в шубах и вязаных варежках.

Два года назад я купила рамку. Размером 40 на 50. Сделанную из натурального дерева и небьющегося стекла, окрашенную в желтый цвет. Она не висит на стене. Она все еще затянута защитной пленкой. Оттуда, из-под защитной пленки смотрит на меня девочка. Ей пять лет. На улице осень. На ней вязаная шапочка в красно-белую полоску и вязаная красная кофта. Она улыбается, чуть обнажив свои белые маленькие зубки. Она заговорщицки прищурила свои голубые глаза. Из-под шапочки выбилась непослушная прядь светлых волос. Я представляю, как она идет рядом с мамой. В правой руке у мамы пакет с продуктами, левой рукой мама прижала к уху телефон. Обе мамы руки заняты, поэтому девочка держится своей ручкой за край маминой куртки. Тут девочка отпускает мамину куртку и бежит вперед. Она спотыкается, но не падает. Когда она добегает до большой кучи осенней рыжей листвы, она разворачивается к ней спиной, деловито кладет руки за голову и плюхается в эту кучу. Она лежит среди сухих желтых листьев и улыбается. Мама подходит к ней. Она уже не говорит по телефону. Она говорит ей: «Уля, не вставай пока». Ставит пакет с продуктами на землю, долго ищет что-то в сумке. Сдвинутые брови и сжатые губы исчезают с ее лица – она нашла! Она достает из сумки фотоаппарат. «Смотри в камеру, сейчас вылетит птичка». Уля улыбается в объектив. «Мама, где птичка?» Мама подает ей руку. «Там», – указывает мама на дерево, – «уже вылетела. Ты и не заметила». Уля сосредоточенно поправляет шапку. «Я никогда не замечаю». Мама снисходительно улыбается. «В следующий раз заметишь». Они идут домой готовить ужин. Скоро придет папа с работы. Он будет шутить и щекотать Улю за пятки, когда она будет лежать на диване на животе и листать мамы журналы. А потом они вместе пойдут гулять с Броди. Броди – это их собака, у него пушистый хвост и мягкие лапки. А вечером мама вскипятит для Ули молоко. А потом Уля ляжет спать.

Только представь, что случится, если я сниму с рамки защитную пленку? Тогда окажется, что нет никакой Ули. Тогда окажется, что внутри под небьющимся стеклом вместо маленького мира обычный кадр из сотни кадров, с которого смотрит на меня маленькая девочка-модель. Она лежала в этих листьях, когда фотограф говорил:

«Улыбнись. Не так широко. Зажмурь глаза. Нет, лучше прищурь. Хм, этот кадр неплохой. Давай еще сделаем несколько. Убери руки за голову. Нет, не так. Чуть выше. Да, так.» Я не знаю, как зовут эту девочку. Возможно, у нее нет собаки. Возможно, ее папа всегда приходит поздно с работы, и она почти его не видит. Возможно, мама не разрешает ей листать ее журналы. Возможно... Вот видишь, если я сниму пленку, той девочки, Ули, уже не станет. И я оставляю пленку, и ставлю рамку у стены. А когда гости спрашивают, почему я до сих пор не поставила фото в рамку, я отвечаю, что рамка слишком велика для одного фото, нужно делать коллаж, а руки все не доходят, времени нет, а когда есть, я трачу его на что-то другое. Иногда я ничего не отвечаю. Просто улыбаюсь. А иногда я говорю: «Что значит, почему я не поставила фото в рамку? Вот же оно, фото. Вот. Видите эту девочку?» Гости видят, но не понимают меня. Я начинаю им рассказывать, что ее зовут Уля, и что у нее есть мама, и папа, и Броди. И что она любит листать мамины журналы. Ладно, это я насочиняла. Я никогда так не отвечаю. Наверное, если бы я так ответила, меня бы приняли за сумасшедшую. Так что это первый раз, когда я рассказываю кому-то про Улю. Почему сейчас? Потому что я поняла, что такое самое важное я хотела сказать, о чем таком самом невероятно красивом я хотела спеть. О силе воображения.

Чтобы поверить во что-то, нужно представить, что это что-то есть. Я представила маленькую девочку Улю, и теперь она есть, пусть всего лишь в моем воображении, но она есть, и мне этого достаточно.